

А.А. Романов, О.В. Новосёлова

Тверская государственная сельскохозяйственная академия, г. Тверь

A.A. Romanov, O.V. Novoselova

Tver State Agricultural Academy, Tver

ДИСКУРСИВНАЯ ТОПОНОМИЯ ПРАКТИК-УГРОЗ DISCURSIVE TOPONOMY OF THREAT-PRACTICES

Ключевые слова: интерактивное пространство, интерактивная система координат, телесность, коммуникативный конструкт, топонома

Keywords: interactive space, interactive coordinate system, corporal space, communicative construct, toponomy

Рассматривается физическое и социо-психо-эмоциональное пространство Я-адресанта и Я-адресата угрозы и строится система интерактивных координат партнеров по общению, которая выполняет коммуникативно-прагматическую функцию и определяет топоному как коммуникативно-интерактивнозначимое местоположение.

The paper focuses on I-speaker and I-hearer's corporal and socio-psycho-emotional space in discourse of threat. The communicative coordinate system of this research has pragmatic function and can help to study interactive space and discursive toponomy of threat-practices.

Содержание регулятивного процесса (воздействия в целом) определяется характером решаемых проблем участниками речевой интеракции и раскрывается прежде всего с позиции субъекта (т. е. говорящего или инициатора) и объекта в этом процессе (Романов, 2004). В период глобализации и информатизации человек воспринимается как целостная система, которая передает и воспринимает (реагирует на) информацию всем своим телом в виде определенных сигналов (ср.: Матурана, 1995; Романов, 1995). Поэтому сам процесс коммуникации или коммуникативного обмена есть своего рода технология непрерывного взаимодействия человека с окружающим его миром, реализующаяся в виде последовательности и особенностей его знакового (вербального и невербального) поведения, действий и состояний при передаче, обмене, получении, переработке и сохранении информации (Бодалев, 1982; Вацлавик, 2000; Романов, 1995; Романов, 1995а; Романов, 2000; Романов, 2001; Романов, 2004).

Таким образом, речь пространственно координирована. Это означает, что и мышление (внутренняя речь), и диалог (внешняя речь) существуют как бы в «подсознательном поле зрения», в котором участники бессловесной (визуальной) и обыденной интеракции постоянно координируют свое тело (Романов, 2008: 96). Подобное координирование осуществляется, как известно, в двух неразделимых пространствах: физическом и

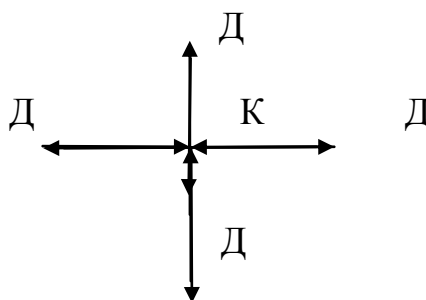
психологическом. *Физическое пространство* – это пространство реального бытия, частью которого является сам человек и в пространстве которого он себя реализует. *Психологическое пространство* – это пространство реализации человеком своей сферы деятельности в тех или иных ее разновидностях и проявлениях (Романов, 2004: 15; Романов, 2008: 88).

Очевидно, что включение «человека телесного» в социокультурное пространство его жизнедеятельности влечет за собой существенные изменения для его тела, превращающегося из биологического феномена в явление социокультурное, приобретающего, в дополнение к своим природнозаданным атрибутам, конкретные свойства и характеристики, порожденные социальными и культурными воздействиями. В наибольшей степени этот факт становится явственным при сравнительном анализе последствий тех влияний, которые оказывают на человеческое тело различные по своему характеру системы социальных отношений, культурных ценностей и т.д. (Джерджен, 2003; Романов, 2008: 11). Другими словами, категория «телесности» характеризуется физическими, социальными и психологическими чертами, между которыми существует тесная связь (Романов, 2008: 10), и поэтому телесность, означивание тела и отношение к нему, его оценка и использование в социо-психо-эмоциональном пространстве интерактивного взаимодействия оказываются в центре внимания исследователей.

Так, в этом плане малоисследованным является интерактивное пространство дискурсивных практик со значением угрозы, в которых вербально отображается координатная расположенность телесного пространства Я-партнеров по общению. Изменения физического и социо-психо-эмоционального пространства Я-адресанта и Я-адресата угрозы маркируются определенными языковыми средствами, например, существительными с предлогами: (1) *Быть тебе на каторге!* (Шишков, 2010); (2) *В Волгу его! В Волгу!* (Панферов, 1986: 498); глаголами: (3) *Всех не-ре-ве-шаю!* (Шишков, 2010); (4) *Да тебя мало утопить... тебя...* (Панферов, 1986: 319); глагольными словосочетаниями: (5) *Бирюк там – возьмет и унесет в Волгу* (Панферов, 1986: 161-162); (6) *Мы еще посмотрим, кто кого загонит в угол ринга!* (Свиридов, 1984: 30); (7) *Дела у тебя, как я вижу, темные, и как бы за них я не отправил тебя назад, к матери* (Гайдар, 1986б: 198) (далее в работе *жирным курсивом* выделены языковые средства выражения изменения интерактивного пространства Я-собеседников). При этом важно учитывать, что адресат угрозы в нормальных условиях реальной коммуникации способен интерпретировать изменения физического и социо-психо-эмоционального пространства Я на основе анализа языковых средств поверхностной манифестации практик-угроз.

Вопрос рассмотрения пространства дискурсивных практик со значением угрозы, *погруженных* (помещенных, включенных) *в систему интерактивных координат вертикали и горизонтали Я-партнеров* по общению, а также в систему *социо-психо-эмоциональных аффицированных координат* предполагает, что для измерения и отображения *топономы*, т.е.

коммуникативно-интерактивнозначимого местоположения *Я* каждого из участников диалогического обмена необходимо воспользоваться следующей координатной системой, где **К** – точка отсчета, ноль, исходное положение, обозначающее начальные координаты собеседников (т.е. существующие до практик-угроз), **Д** – точка соответствующая дискомфорту эмоциональному (аффицированному) состоянию; стрелками → обозначены направления изменения коммуникативного пространства собеседников в процессе социального взаимодействия:

Важно отметить, что в рамках данного исследования под горизонтальными топономическими перемещениями понимаются как представляемые в ментальном пространстве физические перемещения корпоральности *Я*-адресата и *Я*-адресанта угрозы параллельные плоскости горизонта; вертикальным топономическими перемещениями являются представляемые в ментальном пространстве физические движения *Я*-адресата и *Я*-адресанта угрозы, составляющие с горизонтальной плоскостью прямой угол; вертикальные *социо-психо-эмоциональные* перемещения представляют собой иерархические движения, как правило, от комфортного эмоционального состояния к аффицированному состоянию или дискомфорту.

Необходимо отметить, что в рассматриваемом случае «аффицирование», по Э. Гуссерлю, не связано в обязательном порядке только с эмоциями и не сводится только к сфере аффекта, а трактуется как «возбуждение соразмерное сознанию, специфическое притяжение, которое сознаваемый предмет оказывает на *Я*». При этом подчёркивается, что обычно «аффицирование означает простой *факт ощущения эффекта*, вызванного чем-либо, причем неважно, относится ли в силу этого данный эффект к аффективному или когнитивному порядку» (Козырева, 2012: 133). В этой связи А.С. Козырева обращает внимание на то, что аффицирование обозначает в определенном смысле «качественный аспект импрессиональной сферы сознания, которому всегда соответствует тот или иной уровень силы воздействия, благодаря которой выделяются на фоне остальных наиболее сильные впечатления. Именно аффективная сила (*affektive Kraft*), в понимании Э. Гуссерля, ответственна за то, чтобы различные «аффективные тенденции» могли достичь внимания и стать осознанными» (Козырева, 2012: 133). А.С. Козырева, уточняя понятие аффективной интенсивности или аффективной силы, «живости (*Lebendigkeit*)», по Гуссерлю, пишет, что «речь не идет о конкретной, объективной интенсивности в значении меры качественных переходов», а прежде всего речь идёт о «градации

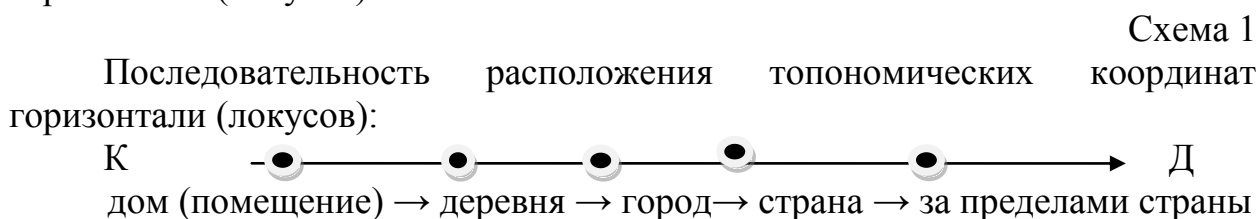
интенсивности иного рода», которая «определяет понятие сознания в степени осознанности», о «противопоставлении бессознательному в соответствующем смысле», где бессознательное «обозначает нулевой уровень этой живости сознания, но никоим образом не ничто». Ничто значимо «только в отношении аффективной силы» и поэтому оно релевантно «в отношении тех операций, которые справедливо предполагают положительное значение аффективности, превышающее нулевую точку. Таким образом, интенсивность аффективности относится не к качественным характеристикам объекта, а к уровням осознанности» (Козырева, 2012: 133).

Воспринимая различные практики-угрозы повседневной интеракции, собеседники «проецируют» свой индивидуальный опыт на их информационно-коммуникационные свойства, так как человек является «отправной точкой всех своих проявлений и конечной точкой всех своих восприятий» (Волконский, 1913). Другими словами, система таких определенных (конфигурационных) признаков или топонимических координат представляет собой, если можно так выразиться, систему координат «очеловеченного пространства», которые проникают («внедряются») в ментальное пространство («ментальное вместилище» или подсознание) человека не сразу, а в определенной последовательности или очередности (Романов, 2008).

Структурирование физического (топономического) и психологического пространства дискурсивных практик со значением угрозы при помощи системы интерактивных координат базируется на системе шкал и оценок, передающих эмоциональные переживания собеседников, или эмоционально-оценочных конструкторов. Так, при рассмотрении указанного класса дискурсивных практик со значением угрозы, связанных с изменениями *интерактивных координат*, нахождение коммуниканта в точке **К** и возможность самостоятельно (без принуждения, каузирования) со стороны собеседника изменять свое местоположение, говорит о его комфортном эмоциональном состоянии. Также важно учесть, что изменения координат топономического пространства порождают изменения психологического пространства (*социо-психо-эмоциональных координат*), при этом отмечается следующее: чем дальше от центральной точки **К** (по вертикали или горизонтали) находится проекция эмоционального состояния *Я*-партнера по общению, тем в более некомфортном аффицированном состоянии он находится.

Как правило, автор угрозы для успешной каузации адресата совершить какие-либо действия декларирует (называет) такое возможное изменение топономических координат, которое способно ввести *Я*-адресата в некомфортное эмоциональное состояние. При этом адресат угрозы переносит указанные возможные изменения в свою систему координат и оценивает их воздействие на эмоциональное состояние *Я* в соответствии приведенной выше системе координат. Так, например, на минимальное изменение *горизонтальных координат Я*-слушающего могут указывать вербальные конструкции со значением угрозы, содержащие намерение говорящего

выгнать, выставить слушающего из такого локуса (точки на) горизонтальной оси интерактивных координат как «дом». Ср., например: (8) *Да я тебя, мерзавца, из дому выгоню... на мороз, в стень... в поле!* (Гайдар, 1986б: 78); (9) *Ну так не смей после этого **домой** возвращаться* (Островский, 1965: 132-133); (10) *Ну, этого я **выставлю отсюда** в два счета* (Островский, 1965: 41-44); (11) *Дождется, что я вас **из дома повыгоню*** (Гайдар, 1986а: 9-10) или связанные с небольшими пространственными перемещениями, например, (12) *Я тебе дам "**в противоположную!**" Я тебя сейчас самого **пошлю в противоположную!*** (Гайдар, 1986а: 198). См., в частности, схему 1 с представленной последовательностью топономических координат горизонтали (локусов):

Эмпирический материал показывает, что правее по горизонтальной оси (см. схему 1), если двигаться по линии горизонтальной протяжённости конструкта, от локуса «дом» находятся локусы «деревня», например, (13) *А этого твоего Саню мы просто **выселим из деревни**, и все...*, «город», например, (14) *Я вас каленым железом **выжгу из города*** (Шукшин, 1988: 317-320), «страна», например, (15) *Знаете ли, что он женится на моей дочери, что я сам буду вельможа, что я в самую **Сибирь законопачу?*** (Гоголь, 1984б: 87), «за пределами страны», то есть, «ещё дальше», например, (16) *Пусть только пикнут, я в пять минут **вышвырну их за пределы России...*** (Шишков, 1984: 157-158).

Анализ эмпирического материала также позволяет установить и некоторые статистические данные. Отметим, что материалом для исследования послужили 117 дискурсивных практик со значением угрозы, содержащие языковые маркеры перемещения Я-личности как в физическом, так и психологическом пространстве, которые (практики-угрозы) были получены в результате сплошной выборки из 745 русскоязычных дискурсов угрозы, включающих 2000 дискурсивных практик-угроз. Так, конструкции со значением угрозы, связанные с горизонтальными перемещениями Я-адресата в условиях реальной коммуникации, составляют 26,5 процентов от общего количества рассмотренных примеров: из них наиболее часто встречаются практики-угрозы, указывающие на перемещение из локуса «дом (помещение)» - 64,6 процентов от общего количества практик-угроз, связанных с изменением координат горизонтали (см. таблицу 1).

Таблица 1

Топономические координаты горизонтали	Количество дискурсивных практик со значением угрозы, связанных с изменением координат горизонтали
---------------------------------------	---

дом (помещение)	20 (64,6 %)
деревня	2 (6,4 %)
город	6 (19,4%)
страна	2 (6,4 %)
за пределами страны	1 (3,2 %)
Всего:	31(26,5 % от общего количества рассмотренных примеров)

Высокая частотность конструкций со значением угрозы, содержащих указание на минимальное изменение горизонтального пространства Я-адресата (вынужденное движение, перемещение из локуса «дом»), может быть объяснена тем, что адресант с помощью указанных конструкций не только изменяет физическое пространство Я-адресата угрозы и тем самым стремится оказать аффицированное воздействие на его эмоциональное состояние, но он также способен физически проконтролировать выполнение заявленных, каузируемых, являющихся непосредственной причиной действий.

Анализируемый материал также показал, что вертикальные изменения коммуникативного пространства с физическим перемещением «сверху – вниз» Я-адресата угрозы, как правило, маркируются вербальными декларациями автора угрозы свести его до интенсивной точки аффицированного «ничто», например, утопить собеседника в воде. Сравните: (17) *Не то вон – башкой в реку!* (Панферов, 1896: 264); (18) *А то угроза! В Алай-реку намерены!* (Панферов, 1896: 264); опустить под берег, на дно, искупать или кинуть в воду, например, (19) *А то опустим под берег да без время при всем народе искупаем* (Панферов, 1896: 239-241); (20) *Посадите, братцы, его воеводой к донским еришам!* (Злобин, 1987: 514); (21) *За экие сборы камень на шею тебе – да в воду* (Злобин, 1987а: 67-68); (22) *Будешь колотиться, дам веслом по башке и в воду* (Шукшин, 1982: 26-27); (23) *Я ссажу тебя!.. На дно вон* (Шукшин, 1982: 265); а также откуда-либо скинуть Я-адресата, спустить, закопать его или втоптать в землю, поставить на карачки. Например: (24) *С крыльца-то я и так сумею тебя спустить, без ножа* (Шукшин, 1982: 46); (25) *А с колокольни ты не летал?..* (Толстой, 1991: 49); (26) *Ежели я только перстом на вас народу покажу, народ вас, согрубителей, в клочья разорвет, в землю втопчет!* (Шишков, 2010); (27) *Всех на карачки поставлю, кровь цедить буду!* (Шукшин, 1982: 267); (28) *Всех уложу здесь!* (Шукшин, 1982: 501)

Заслуживают особого внимания использование в ситуации угрозы таких конструкций, которые также приводят к изменению вертикальных коммуникативных координат адресата угрозы «сверху – вниз», указывая и определяя конкретный локус его «аффицированного ничто»: (29) *Они у меня в ногах будут валяться!* (Шукшин, 1988: 23-24); (30) *К зиме-то, брат, жрать захочешь, — **придешь**, сукин сын, **приде-ешь**, **поклоо-нишься!*** (Бунин, 1984: 61-62); (31) ***Бога бойтесь!*** (Злобин, 1987а: 114).

Изменение *интерактивных вертикальных координат* адресата угрозы «снизу – вверх» связано с декларированием автора угрозы повесить, вздернуть собеседника, например, (32) *Мы тебя самого вздернем!* (Шишков, 2010); (33) *Мотри, живо на осине закачаешься!..* (Шишков, 2010); (34) *На осину яво!.. На осину! Осина у нас в Сосновом овраге имеется* (Панферов, 1896: 267); (35) *Если до семи часов не будет света, повешу всех троих!* (Островский, 1965: 68); (36) *На поганой осине повесим!* (Злобин, 1987а: 13); (37) *Услышу, что денежку взял с кого, я тебя **вверх ногами** в воротах повешу!* (Злобин, 1987: 489); (38) *На стене городской на потеху всей черни повешу!* (Злобин, 1987а: 118).

Анализ эмпирического материала показывает, что дискурсивные практики со значением угрозы, содержащие указание на изменение топономических координат вертикали Я-адресата угрозы «сверху – вниз», составляют 64,7 процентов от общего количества рассмотренных дискурсивных практик, связанных с изменением координат вертикали (см. Таблицу 2). Подобный факт может быть объяснен тем, что физическое вертикальное движение «снизу – вверх», как показывают примеры исследования, не является причиной появления аффицированного состояния Я-адресата угрозы, а становится причиной прекращения существования телесности Я-адресата угрозы.

Таблица 2

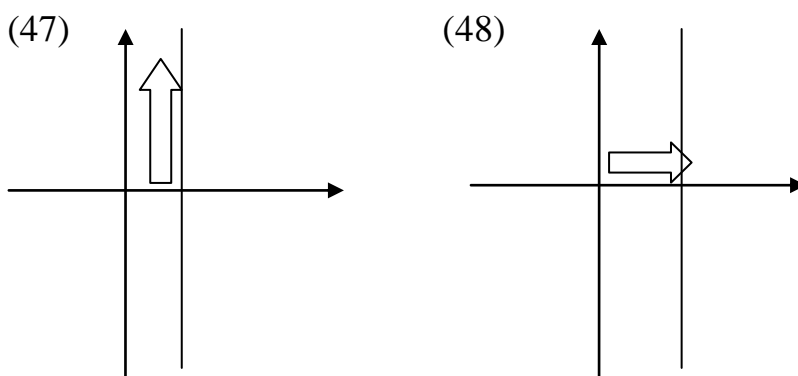
Топономические координаты вертикали	Количество дискурсивных практик со значением угрозы, связанных с изменением координат вертикали
«сверху - вниз»	42 (64,7%)
«снизу - вверх»	23 (35,3%)
Всего:	65 (55,5 % от общего количества рассмотренных примеров)

Особняком среди рассмотренных выше дискурсивных практик стоят конструкции со значением угрозы, в которых указаны нечетко локализованные топономические координаты изменения коммуникативного пространства Я-адресата или которые содержат в своей структуре слова в переносном значении, например, (39) *Загонят тебя, куда ворон костей не таскал* (Бунин, 1984: 39); (40) *Ну, собирайся живее, а то погоню тебя к черту, иного найду грамотея!* (Злобин, 1987а: 153)

Для того, что бы собеседники находились в комфортном эмоциональном состоянии, у них должна быть возможность самостоятельно (без воздействия со стороны других лиц) выбирать или изменять свое физическое и социо-психо-эмоциональное пространство. В частности, указание на ограничение коммуникативного пространства партнера по общению остаться в точке отсчета **К** может явиться причиной появления его дискомфортного эмоционального состояния. Например, (41) *Станешь рыпаться — свяжем!* (Астафьев, 1988: 73); (42) *Я их всех **запру*** (Лесков,

1989: 310); (43) *А вздумаешь сам уходить — изловим, на цепь посадим* (Злобин, 1987: 34); (44) *Я тебя в сумасшедший дом засажу, порадуешься там!* (Куприн, 1984: 192); (45) *Или одной **тюрьмы** вам еще мало* (Пикуль, 1989: 625); (46) *Ясырь не отдашь, не отдашь все струги да пушки — и **путь** тебе на Дон **закрыт*** (Злобин, 1987: 407).

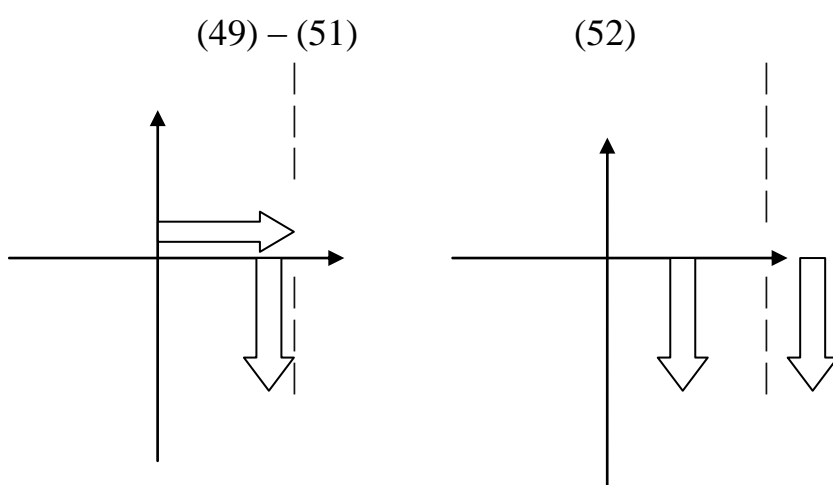
Представляют особый интерес дискурсивные практики со значением угрозы, связанные одновременно с изменением топономических координат собеседников по одной из представленных осей координат и ограничением коммуникативного пространства (18 процентов от общего числа рассмотренных примеров). Например, в конструкции (47) *Во будет «держжава», когда тебя **закуют** в кайдалы да **повесят!*** (Злобин, 1987: 130) имеет место ограничение интерактивного пространства с последующим вертикальным изменением координат адресата угрозы; в конструкции (48) ***Возьму в охапку, завяжу узлом да и отнесу под мышкой домой, под замок!*** (Достоевский, 1976: 164) идет речь об ограничении интерактивного пространства адресата угрозы с последующим горизонтальным изменением его координат (см. схему ниже, где линией «без стрелки» обозначено ограничение коммуникативного пространства Я-адресата угрозы):

На основе анализа эмпирического материала выявлены дискурсивные практики со значением угрозы, содержащие указание не только на изменения топономических координат горизонтали и вертикали Я-собеседников (и как следствие психологических), но и указывающие на определенные изменения в системе социально-ролевых отношений между собеседниками. В указанных практиках происходит своеобразное наложение систем пространственно-социальных координат партеров по общению. Например, рассмотрим следующую реплику со значением угрозы: (49) *Сегодня же у меня **отправишься в управление*** (Семенов, 1989: 191). Автор угрозы в данном случае декларирует изменение коммуникативных горизонтальных координат собеседника, что отражено в форме высказывания. Однако подобное изменение координат адресата содержит имплицитное указание на возможность применения санкций по отношению к нему со стороны лиц с более высоким социальным статусом («сверху – вниз»). Следующие реплики также характеризуются наложением систем коммуникативных

горизонтальных и социальных координат партеров по общению: (50) *И последний раз перед всеми обещаю, что если и дальше так будет, то не посмотрю я на то, что хороший боец ты и товарищ, а выгоню из отряда!* (Гайдар, 1986а: 160); (51) *Вези без разговору, а то из колхоза вышибем в два счета!* (Шолохов, 1978: 136)

Высказывание со значением угрозы (52) *До рождества без отпуска, а если еще повторится, то выдерем и вышвырнем из училища* (Куприн, 1984: 193) представляет собой наложение вертикальной координатной оси и социальной. Представленные ситуации (49) – (52) можно графически отобразить следующим образом (см. схему ниже, где пунктирной линией обозначена вертикальная ось социальных координат коммуникативного пространства адресата угрозы).

Как показывает схема, направление изменения топономических и социальных координат может либо совпадать, либо различаться. Однако любой из представленных примеров (49) – (52) вводит Я-адресата в некомфортное аффицированное эмоциональное состояние.

До настоящего момента шла речь исключительно о топономических и социо-психо-эмоциональных координатах Я-адресата угрозы. Однако, как показывает материал исследования, в дискурсивных практиках со значением угрозы адресант может сообщать об изменениях своих интерактивных координат, вводя тем самым своего собеседника в дискомфортное состояние. Подобное изменение координат Я-адресанта угрозы характеризуется наложением топономических и социальных координат. Так, например, конструкция (53) *Я до Москвы доберусь!* (Астафьев, 1988: 90) может функционировать в качестве констативного (дескриптивного) высказывания, не содержащего указания на менасивное действие и декларирующего изменение горизонтальных координат Я-адресанта, но в то же время она может восприниматься как угроза, когда подобное изменение топономических координат горизонтали Я-адресанта угрозы, влекущее за собой изменение психологических координат Я-адресата, может стать причиной появления дискомфортного состояния Я-адресата. Ср. подобные

примеры: (54) *Запомни мое слово: не начнешь строить клуб, поеду в район, в край... к черту на рога, но я тебя допеку* (Шукшин, 1982: 439-440); (55) *Я пойду к губернатору, до самого царя дойду...* (Куприн, 1984: 192); (56) *Я ведь могу и в милицию сбегать* (Панферов, 1986: 294-295).

Итак, на основе анализа эмпирического материала выявлены дискурсивные практики со значением угрозы, указывающие на изменения топономических горизонтальных и вертикальных координат Я-адресанта и Я-адресата угрозы, а также социо-психо-эмоциональных координат Я-адресата угрозы. Как правило, данные типы практик-угроз направлены на указание именно такого изменения прагматического пространства, которое станет причиной дискомфорта-аффицированного состояния адресата, каузирует его совершить определенные действия в интересах адресанта и потребует со стороны автора угрозы наименьших физических усилий, в случае отказа адресата от выполнения каузируемых действий.

Анализ дискурсивных практик со значением угрозы как действий когнитивного агента или «перемещений» его корпоральности (телесных форм поведения, габитуса) показывает, что в условиях реальной коммуникации наиболее часто употребляемыми являются практики-угрозы, связанные с изменением коммуникативных топономических координат вертикаль Я-адресата. Подобное явление может быть объяснено тем, что данные практики вводят Я-адресата угрозы в состояние наиболее близкое к дискомфортному (как правило, декларируют прекращение существования телесности адресата), чем практики-угрозы, направленные на горизонтальные изменения координат Я-собеседников. Кроме того, важно отметить, что вертикальное перемещение собеседника «сверху – вниз» потребует со стороны автора угрозы наименьших физических усилий, в случае отказа адресата от выполнения каузируемых действий.

Низкая частотность перемещения Я в горизонтальном пространстве обусловлена тем, что в случае с горизонтальными перемещениями Я-адресата угрозы у автора сообщения только в ситуации с перемещением из локуса «дом» имеется физическая возможность проконтролировать адресата, что и является необходимым функциональным условием реализации угрозы (ср. перемещения из локуса «город» или «за пределы страны»).

Рассмотренные в рамках исследования изменения интерактивного пространства Я-адресата угрозы можно представить в виде линейного конструкта угрозы, отражающего психо-эмоциональное воздействие указанных конструкций на Я-адресата угрозы:

К	ограничение коммуникативного пространства						Д	
	горизонтальные					вертикальные		
	за пределами страны	страна	город	деревня	дом	«сверху - вниз»		«снизу - вверх»

		социальные		
--	--	------------	--	--

В приведенной схеме описания социо-психо-эмоционального пространства, создаваемого дискурсивными практиками со значением угрозы, обозначены координаты перемещений Я-собеседников (во многом нечеткие границы), определена система координат интерактивного пространства, выполняющая коммуникативно-прагматическую функцию, и топонома как коммуникативно-интерактивнозначимое местоположение. Однако, несмотря на современный уровень знаний о теле и психологии человека, сама сущность телесности (корпоральности) до сих пор прояснена не в полной мере (Романов, 2008: 25) и прагматическая топономия дискурсивных практик различной иллокутивной направленности, полная картина описания параметров телесности в настоящее время является актуальной проблемой, требующей комплексного подхода.

Литература

1. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. -198 с.
2. Вацлавик П., Бивин Д., Джексон Д. Психология межличностных коммуникаций. Пер. с англ. СПб.: Речь, 2000. - 300 с.
3. Волконский С.М. Выразительный человек. Сценическое воспитание жеста (по Дельсартру). СПб., 1913. 118 с.
4. Джерджен К.Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика. Минск: БГУ, 2003. – 218 с.
5. Козырева А.С. Интенсивность аффективной силы между воспоминанием и повторением в феноменологии Э. Гуссерля // Вопросы философии. 2012. № 6. - С. 131 – 138.
6. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1995. - С. 95 - 142.
7. Петрова Е.А. Знаки общения (серия: Визуальная психосемиотика). М.: ГНОМ и Д, 2001. - 256 с.
8. Романов А.А. Вербо- и психосоматика телесного бытия человека // Романов А.А., Сорокин Ю.А. Вербо- и психосоматика: две карты человеческого тела. М.: Институт языкознания РАН, 2008. - С. 1 - 144.
9. Романов А.А. Грамматика деловых бесед. Тверь: Фамилия, 1995. - 239 с.
10. Романов А.А. Основы логического знания. Тверь: ТвГУ, 1995а. - 78 с.
11. Романов А.А. Психосемиотика визуальной коммуникации в соматографическом пространстве // Романов А.А., Сорокин Ю.А. Соматикон: Аспекты невербальной коммуникации. М., 2004. - С. 1-158.
12. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. - 183 с.

13. Романов А.А. Управленческая коммуникация. Тверь: Герс, 1996. - 240 с.

14. Романов А.А., Ходырев А.А. Управление персоналом: Психология влияния. М.: Лилия, 2000. - 216 с.

15. Романов А.А., Ходырев А.А. Управленческая риторика. М.: Лилия, 2001. - 216 с.

Источники примеров

Астафьев В. Перевал // Перевал. Кража: Повести. М.: Дет. лит., 1988. - С. 7 - 94.

Бунин И.А. Деревня // Избранные сочинения. М.: Худож. лит., 1984. - С. 35 -132.

Гайдар А. В дни поражений и побед // Собрание сочинений в трех томах. М.: Издательство «Правда», 1986б, т.3. - С. 5 - 120.

Гайдар А. Голубая чашка // Собрание сочинений в трех томах. М.: Издательство «Правда», 1986а, т. 2. - С.5 - 28.

Гайдар А. Дым в лесу // Собрание сочинений в трех томах. М.: Издательство «Правда», 1986а, т.2. - С. 149 - 170.

Гайдар А. Жизнь ни во что // Собрание сочинений в трех томах. М.: Издательство «Правда», 1986б, т.3. - С. 121 - 211.

Гайдар А. Тимур и его команда // Собрание сочинений в трех томах. М.: Издательство «Правда», 1986а, т.2. - С.185 - 250.

Гоголь Н. В. Ревизор // Собрание сочинений в восьми томах. М.: «Правда», 1984б, т.4. - С. 5 - 93.

Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. Роман в шести частях с эпилогом. Минск, «Беларусь», 1976. - 544 с.

Злобин С.П. Степан Разин: ист. роман., кн. 1. Мн.: БелСЭ, 1987. - 520 с.

Злобин С.П. Степан Разин: ист. роман., кн. 2. Мн.: БелСЭ, 1987а. - 445 с.

Куприн А.И. Святая ложь // Повести и рассказы. Львов: Изд-во «Каменяр», 1984. С.192-201.

Лесков Н.С. Грабеж // Лесков Н.С. Собрание сочинений в двенадцати томах. М.: Правда, 1989, т. 5. - С. 291 - 328.

Островский Н. Как закалялась сталь. Минск: «Беларусь», 1965. - 424 с.

Панферов Ф. Бруски Книга 3 // Собрание сочинений в шести томах. М.: Правда, 1986, т. 2. - 512 с.

Пикуль В. С. Этюды о былом. М.: ДОСААФ, 1989. - 640 с

Свиридов Г. И. Стоять до последнего: Роман. М.: Моск. рабочий, 1984. - 543 с.

Семенов Ю. И. Тропа обреченных: Роман. М.: Воениздат, 1989. - 319 с.

Толстой А. Н. Петр Первый: Роман. Ижевск: Удмуртия, 1991. - 768 с.

Шишков В. Емельян Пугачев [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.2lib.ru, свободный, дата обращения – 30.11.10

Шолохов М. Поднятая целина: Роман в 2-х кн. Мн.: Нар. Асвета, - 1978. 544 с.

Шукшин В. М. Любавины. М.: Кн.палата, 1988. - 448 с.

Шукшин В. М. Я пришел дать вам волю. Кишнев, Лит. артистикэ, 1982. - С. 6 – 301.

References

1. Bodalev A.A. Perception and understanding of the human person. Moscow: University Press, 1982. – 198 p.
2. Watzlawick, P., Bivin D., Jackson D. Psychology of interpersonal communications. Transl. from English. St. Petersburg.: Speech, 2000. – 300 p.
3. Volkonskyi S.M. Expressive man. Stage gesture training (by Delsartr). St. Petersburg., 1913. – 118 p.
4. Gergen K.J. Social constructionism: knowledge and practice. Minsk: BSU, 2003. – 218 p.
5. Kozyreva A.S. The intensity of affective force between memory and repetition in the phenomenology of Husserl // Problems of Philosophy. 2012. Number 6. – p. 131-138.
6. Maturana W. Biology of knowledge // Language and intelligence. Moscow: Progress Publishers, 1995. – p. 95-142.
7. Petrova E.A. Signs of communication (series: Visual psihosemiotiks). M.: GNOM and D, 2001. – 256 p.
8. Romanov A.A. Verbo- and Psychosomatics of man bodily existence // A.A. Romanov, Yuri Sorokin. Verbo- and Psychosomatics: two maps of the human body. Moscow: Institute of Linguistics, 2008. – p. 1-144.
9. Romanov A.A. Grammar of business conversations. Tver: Familia, 1995. – 239 p.
10. Romanov A.A. Basics of logical knowledge. Tver: Tver State University, 1995a. – 78 p.
11. Romanov A.A. Psyhosemiotiks of visual communication in somatic graphic space // A.A. Romanov, Yuri Sorokin. Somatikon: Aspects of nonverbal communication. Moscow, 2004. – p. 1-158.
12. Romanov A.A. System analysis of regulatory assets of dialogic communication. M.: Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR, 1988. – 183 p.
13. Romanov A.A. Managerial communication. Tver: Gers, 1996. – 240 p.
14. Romanov A.A., Hodirev A.A. Personnel management: Psychology of influence. M.: Lily, 2000. – 216 p.
15. Romanov A.A., Hodirev A.A. Managerial rhetoric. M.: Lily 2001. – 216 p.

Sources of examples

- Astafiev V. Pass // Pass. Theft: Tales. M.: Det. lit., 1988. – p. 7-94.
- Bunin I.A. Village // Selected Works. M.: Artist. lit., 1984. – p. 35-132.
- Gaidar A. In the days of defeats and victories // Collected works in three volumes. Moscow: Publishing House "Pravda", 1986b, V.3. – p. 5-120.
- Gaidar A. Blue Cup // Collected works in three volumes. Moscow: Publishing House "Pravda", 1986a, V. 2. – p. 5-28.

Gaidar A. Smoke in the forest // Collected works in three volumes. Moscow: Publishing House "Pravda", 1986a, V.2. – p. 149-170.

Gaidar A. Life in nothing // Collected works in three volumes. Moscow: Publishing House "Pravda", 1986b, V.3. – p. 121-211.

Gaidar A. Timur and his team // Collected works in three volumes. Moscow: Publishing House "Pravda", 1986a, V.2. – p. 185-250.

Gogol N.V. Examiner // Collected works in eight volumes. M.: "Pravda", 1984b, V.4. – p. 5-93.

Dostoevsky F.M. Crime and Punishment. Novel in six parts with an epilogue. Minsk, "Belarus", 1976. – 544 p.

Zlobin S.P. Stepan Razin: Hist. novel., Vol. 1. Mn.: BelSE, 1987. – 520 p.

Zlobin S.P. Stepan Razin: Hist. novel., Vol. 2. Mn.: BelSE, 1987a. – 445 p.

Kuprin A.I. Holy lie // Novels and Stories. Lviv: Publishing house "Kameniar", 1984. – p.192-201.

Leskov N.S. Robbery // Leskov N.S. Works in twelve volumes. Moscow: Pravda, 1989, V. 5. – p. 291-328.

Ostrovsky N. How Steel Was Tempered. Minsk: "Belarus", 1965. – 424 p.

Panferov F. Blocks. Book 3 // Collected Works in six volumes. Moscow: Pravda, 1986, Vol. 2. – 512 p.

Pikul V.S. Studies of the past. M.: DOSAAF, 1989. – 640 p.

Sviridov G.I. Stand until the last. Novel. Moscow: Mosk. worker, 1984. – 543 p.

Semenov Y.I. Trail of doomed. Novel. Moscow: Military Publishing, 1989. – 319 p.

Tolstoy A.N. Peter the First. Roman. Izhevsk, Udmurtia, 1991. – 768 p.

Shishkov V.Yemelyan Pugachev [electronic resource] // Access mode: www.2lib.ru, free, date of treatment – 30.11.10

Sholokhov M. Virgin Soil Upturned: A Novel in 2 books. Mn.: Nar. Asveta – 1978. – 544 p.

Shukshin V.M. Lyubaviny. M. Kn. palata, 1988. – 448 p.

Shukshin V.M. I've come to give you freedom. Chisinau, Lit. artistike, 1982. – p. 6-301.

(1 п.л.)